

Развод по-тагански

стал результатом привычно-пренебрежительного отношения к талантам

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

Юрий Марьямов

Я люблю твои замыслы

прямой

И играть согласен эту роль,
Но сейчас идет другая драма,
И на этот раз меня уловь...

Провидчески спел когда-то эти строки Гамлет-Высоцкий. Сегодня в Театре на Таганке сегодня действительно идет совсем другая драма. Простая, как патефонная иглолка, — и, кажется, нерешимая. Наступает кульминация, хотя замысел финала пока не ясен.

Несколько месяцев назад в стенах театра прошло, которое уж по счету, бурное собрание труппы. В отсутствие худрука и ведущих актеров Обсуждались колеблющиеся, по залу плавали опрысканные листы. И «судьбоносное» решение о разделе — принято. Вопреки согласию всей «старой гвардии». Активисты тотчас ринулись в Моссовет за поддержкой — и оттуда вскоре подлетело Высокое Решение Президиума: делить! В Комитете по культуре московского правительства об этом узнали... по радио.

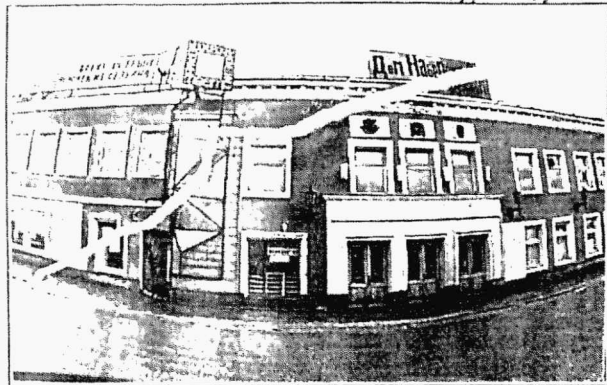
Его из страны выдворили: такое тогда учинялось с лучшими ее гражданами. А театр, им рожденный, его стараниями ставший легендой, — продолжал жить. Легенду пытались законсервировать: играли его спектакли, изъезжая из афиш имя. Пробовали принципиально изменить художественное направление не успели.

Что сделалось с театром, артистами, впервые понял в Мадриде, куда привезли «Мать» и где произошло историческое воссоединение Мастера с учениками, еще недавно вместе пережившими «звездный час».

Все последние годы режиссер и актеры жили параллельной жизнью. Он ставил спектакли на Западе, они, в меру сил, хранили верность. Так случается: расстаются близкие, тоскуют в разлуке, — но спустя немного времени вдруг обнаруживают, встретившись, что и говорить-то в сущности не о чем...

Он возвращался в свой театр. А уходил — в чужой, где царил разуха и запустение. Первое время появлялся крайне редко, наездами, зарубежные контракты на годы вперед, семья, ма-

Век: 1993 - 29 янв. - четверг
(1993) - 10.11.

ленький сын — жизнь «слонжа». Всегда работавший в «западном режиме», он и в эти короткие наезды успевал много: выпустил «закрытые» спектакли, подновил старые. Но этого было мало. Нужно было приниматься за новые постановки, растормошить непомерно разросшуюся труппу. Тут, аккурат, все и началось. Затяжные отсутствия maestro расхаживали и раздражали, надежды не оправдывались — и отчуждение перерастало во все более нескрываемую враждебность. Сюжет дальнейшего во всех пикантных подробностях хорошо известен: череда разборок, бурление страстей, раскол. Было все: срывание приказов, дружная неявка на производственное собрание и репетиции и даже подмена листочков из важных документов.

Артисты, как дети, играют непонятно. И как дети, бывают злы и жестоки. На Мастера обижались всерьез: он груб и своенравен, одних вдруг вводит в спектакль, других — отстраняет. И похлеще, знакомое живет, мол, на Западе, сюда приезжает на заработки, берет реванш за дисидентское прошлое и т.п. «И вы, ребята, туда же», — разочарованно и устало констатировала общительность, привыкшая уже ко всему. И интерес к происходящему потеряла.

Отъезд из страны, особенно насильственный, всегда драматичен. Но кто бы подумал, что не менее драматично возвращение...

Сейчас Мастер приехал в Москву надолго. Ставит оперу Альфреда Шнитке «Доктор Живаго», которую в мае намерен показать на фестивале в Вене. Ра-

ботает, как обычно, увлеченно и много, того же требует от других.

Все действующие лица этой истории по-своему правы. Как водится. «Герои», персонажи «первого» и «второго» планов, «масовка». И по-своему неправы. Тоже — как водится. Но виноваты в творящемся — все без исключения. Не риску судить, даже не попытаюсь быть объективным, чтобы не угодил в ханжество. Попробую рассуждать, хотя когда бушуют эмоции, логика молчит.

Создавший Таганку и несправедливо отлученный от нее, Любимов по справедливости вновь возглавил ее. Это — нормально: здесь его дом. А что артисты, бывшие сподвижники, так-таки никаких прав на него не имеют? А общий дом нужно сызнова обживать и обустроить, срочно обновлять афишу: многие названия давно устарели, время катастрофически пережило их. Как, каким образом выкручиваться? Наверное, как всем — преодолевая суровые экономические обстоятельства. Если бы не противостояние...

Нелюбимые супруги расходятся, дети, не ладящие с предками, пытаются свить собственное гнездышко. Не всегда и не всем удается при этом соблюсти политес. Еще сложнее — в театральном «разводе». Мораль, нравственность, порядочность, измена, предательство — слова из высокой лексики. Частое употребление их не заменит нормальной, как во всем просвещенном мире, системы, регулирующей взаимоотношения «режиссер — актеры», способной обеспечить защиту их, зависимых и бесправ-

ных. Что им, не востребовавшим, попавшим в хозяйскую неспешность, мораль? Жить-то надо.

Любимов никого не собирается увольнять. Здесь — не Запад, это он уже понял. Он говорит: работайте, приглашайте режиссеров, ставьте, создавайте что-то свое.

Вернемся, однако, к документам. Комитет по культуре Москвы заключил с Ю. П. Любимовым контракт — по всей форме, на два года (до конца 1993-го), в течение которых режиссер обязуется выпустить два спектакля, за что ему выплачивается «оклад жалованья» с учетом индексации и т.д. Словом, все как у людей, как с худруками других театров.

Услышав (как помним — по радио) о принятом решении разделить театр, председатель комитета по культуре Игорь Бугаев обратился за разъяснениями к главе Моссовета Н. Гончару. Оказалось, Моссовет родил важную бумагу, не ведая о существовании контракта с режиссером. Таким образом, городская представительная власть, по примеру старших товарищей из большого парламента, самовольно взяла на себя функции правительства, проигнорировав при этом законный документ.

Судя по всему, правительство, которому адресовано сие решение, пребывает в глубоких раздумьях и склонно рассматривать его как рекомендацию. Что в свою очередь может означать новое обострение взаимоотношений властей. Не привыкать.

Театр на Таганке — неслепым, как любой режиссерский театр, возглавляемый Художником с мировым именем и имеющий студийные корни. Под одной крышей двум театрам не ужиться. Это — не МХАТ, которому, при разделе, не пришлось вступать в имущественный спор.

Может ли правительство взять на себя волевое решение судьбы Таганки? Может, но это не сулит ничего хорошего: разогнать, чтобы никому не досталось, ни «нашим», ни «вашим».

Позволю себе несколько гипотетических вариантов развития событий.

... Решение о разделе театра принято, и он... исчезает. С концами. Любимов уезжает — на сей раз тоже с концами.

... С разделом вынуждены одновременно до истечения контра-

та, Любимов выпускает обещанные спектакли. Пожелает ли он продления контракта? Если страсти не улягутся — вряд ли;

... Вполне реально, что продолжающийся конфликт ему осточертеет, он плюнет на обязательство перед постылым отечеством и свалит до окончания контракта;

... «Несогласные» отделяются. Находитесь сильный лидер, объединяет единомышленников, создает свой театр — и отправляется в свободный авиационный полет. Любимовская Таганка продолжает жить своей жизнью. К сожалению, это — наименее вероятный вариант.

Таганская ситуация уникальна и требует неординарных решений. Ссора затягивается и затягивает. Если мы хотим, чтобы Любимов продолжал строить свой театр, его нужно ограбить от амбициозных «соратников» и разукрасившейся «масовки». 75 лет — не шутка. Теперь это под силу разве что президенту. Только вот помирить стороны даже ему вряд ли удастся. Если все же Любимову будет предоставлена возможность реорганизовать театр (как когда-то театр драмы и комедии, куда он пришел в начале шестидесятых со своими студийцами), надо позаботиться и об артистах, защитить их от произвола судьбы и осуществить «развод» цивилизованными средствами.

В этой истории виновных много — все. Особенно же заискило от столкновения двух немиримых систем: западная модель организации театрального дела уперлась в нашу родимую рутинку.

Винаваты бездарные законы и такие же законодатели, которые никак в толк не возьмут, что их «усилиями» в сходной ситуации могут оказаться и другие.

Винавата пренебрежительное отношение к талантам, к культуре, разрушительный раж с ссылками на наш «особый» путь и трудные времена.

Винавата свалившаяся на наши головы и неокрепшие души свобода, революционным ветром выдувшая понятия морали.

Винаваты наши худшие качества. Мы все и каждый в отдельности, живущие здесь и сейчас, но не выработавшие на этот случай никаких защитительных им-мунных функций.